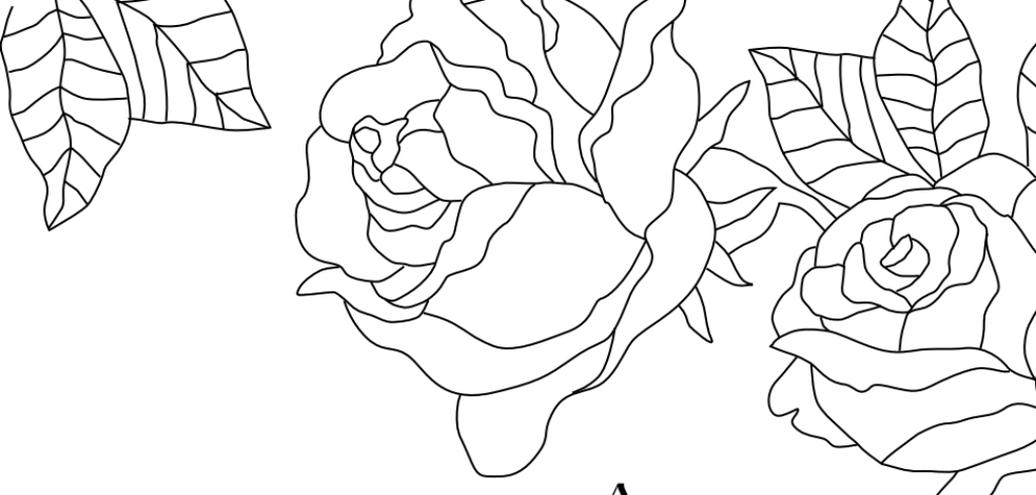

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ ❁

АНИТА
АМИРЕЗВАНИ
КРОВЬ
ЦВЕТОВ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
А 62

Anita Amirrezvani
THE BLOOD OF FLOWERS

Перевели с английского
Алан Кубатиев, Александра Кубатиева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Печатается с разрешения
Emma Sweeney Agency LLC и The Van Lear Agency LLC.

Амирезвани А.

А62 Кровь цветов : [роман] / Анита Амирезвани; [пер. с англ. А. Кубатиева, А. Кубатиевой] — СПб. : Аркадия, 2018. — 464 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-30-6

Она, юная, открытая, чистая, любит жизнь и ее красоту. И смерть отца, принеся ей и ее матери множество бед и страдания, будит в ней талант художника, творца. Отныне ее судьба — словно завораживающий узор на одном из ковров, которые создает мастерица. Сюжетные нити романа Аниты Амирезвани сплетаются в затейливое целое, в котором есть место восточным легендам и эротическим переживаниям, измене и коварству, любви и дружбе, волшебным сокровищам и трагической красоте.

УДК 821.111
ББК 83.3(7)

© Anita Amirrezvani, 2007
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-30-6

ООО «Издательство Аркадия», 2018

Посвящается моей семье —
иранской, литовской и американской

ПРОЛОГ

Сначала не было, а потом стало. Прежде Бога не было никого...

Жила в одной деревне бездетная женщина. Чтобы зачать ребенка, она испробовала все: молилась, пила отвары из трав, ела сырые черепашки яйца, опрыскивала водой новорожденных котят, — но ничего не помогало. И вот однажды, как ей советовали, отправилась она к отдаленному кладбищу, чтобы поклониться древнему каменному льву и потереться животом о его бок. Лев задрожал, и женщина вернулась домой в надежде, что ее заветное желание наконец сбудется. В следующую луну она забеременела.

С того дня, как девочка появилась на свет, она стала светом очей для родителей. Каждую неделю отец брал ее в горы, обращаясь с нею так, будто это был сын, о котором он всегда мечтал. Матушка учила дочку делать краски из оранжевых цветов сафлора, из кошенили, гранатовой кожуры и каштановой скорлупы, а потом и плести ковры из окрашенной шерсти. Вскоре девочка переняла мастерство у матери и стала считаться лучшей молодой ковровщицей своей деревни.

Когда дочери исполнилось четырнадцать, родители решили, что пора отдавать ее замуж. Чтобы собрать денег на приданое, отец день и ночь работал в поле, надеясь на хороший урожай, а матушка пряла шерсть, пока ее пальцы не огрубели, но денег это приносило мало. Девушка знала, что сможет помочь родителям, если для своего приданого соткет ковер ослепительной

красоты. В отличие от обычных красных и коричневых, которые были у жителей деревни, этот должен быть лазурным, как небо в летний день.

Девушка попросила Ибрагима, красильщика, открыть ей секрет бирюзового цвета, и он велел ей подняться на вершину холма — поискать там растение с зубчатыми листьями. А затем найти кое-что в себе самой. Девушка не поняла, что имел в виду Ибрагим, но листья она собрала и вскипятила их с темно-фиолетовой краской. Когда матушка увидела эту смесь, то спросила у девушки, что она делает. Дочь сбивчиво рассказала ей, наблюдая, как брови матери сходятся в грозную черную линию.

— Ты одна ходила в красильню Ибрагима?

— Биби, прошу, прости меня! — взмолилась девушка. — Я отпустила свой ум бегать с козами.

Когда домой вернулся отец, матушка все ему рассказала.

— Если люди начнут судачить об этом, прощай надежда сыскать ей жениха! — причитала она. — Как можно было поступить так безрассудно?!

— Она всегда была такой! — вскричал отец и отругал дочь за ошибку.

Девушка весь вечер гнулась над штопкой, не смея поднять глаз на родителей.

Следующие несколько дней родители внимательно следили за ней, она же тем временем пыталась разгадать загадку краски. Однажды днем, когда девушка пасла овец и спряталась за валун, чтобы облеγχиться, внезапно ей пришла в голову мысль. А не это ли Ибрагим имел в виду? Может, это как раз «то, что есть в ней самой»?

Вернувшись домой, она приготовила еще один горшок фиолетовой краски. Когда же в следующий раз пошла в уборную, оставила немного своей жидкости

в старой посудине, а потом смешала ее с блеклой фиолетовой краской, залила шерсть и оставила так на ночь. Подняв на следующее утро крышку горшка, она радостно вскрикнула — краска была нежно-голубой, как райские озера. Хотя отец запретил ей, девушка взяла прядь бирюзовой шерсти, побежала к красильне Ибрагима и повязала шерсть вокруг дверного кольца.

Она продала бирюзовый ковер заезжему шелкоторговцу по имени Хасан, который так хотел заполучить увиденное, что заплатил серебром, пока полотнище было еще на станке. Матушка рассказала женщинам из другой деревни об успехе дочери, и они похвалили ее за золотые руки. Теперь у девушки появилось приданое, и она смогла выйти замуж, а свадьба длилась три дня и три ночи. Муж кормил ее маринованными огурцами, когда она забеременела, и родилось у них семеро сыновей. Книга ее жизни была написана самыми яркими из чернил, и волей Аллаха да не окончится она до тех пор, пока...

— Ведь история совсем не такая, — перебила я, кутаясь в грубое одеяло; снаружи завывал ветер.

Мы с матушкой Махин сидели рядом, я говорила тихо, так как другие спали всего в нескольких шагах от нас.

— Ты права, но я хочу рассказать ее именно так, — сказала она, убирая выбившуюся из-под старого платка седую прядь. — Мы верим, что так будет у тебя.

— Это история с хорошим концом, — согласилась я, — но Расскажи, как все было по-настоящему.

— Не пропускать даже грустные места?

— Да.

— Они до сих пор заставляют меня плакать.

— Меня тоже.

— Ох! — вздохнула матушка, и лицо ее заострилось от печали.

Мы затихли на минуту, вспоминая. Капля ледяного дождя упала рядом, едва не замочив мой халат, и я подвинулась поближе к матери, чтобы вода не капала на меня из щелей в крыше. Маленькая масляная лампа не могла нас согреть. А всего несколько месяцев назад я носила теплый бархатный халат, расшитый узором из алых роз, а под ним шелковые шаровары. Глаза мои были подведены сурьмой, одежда была надушена благовониями. Я ждала любовника, который срывал с меня одежду, и в нашей спальне было жарко, словно летним днем. Сейчас же я дрожала от холода в тонком голубом халате, износившемся настолько, что он казался серым.

Матушка жестоко закашлялась — этот звук ранил меня в самое сердце, и оставалось только молиться, чтобы она поправилась.

— Дочь моя, я не смогу рассказать до конца, — хрипло проговорила она.

Я глубоко вздохнула и ответила:

— Ну и хвала Аллаху!

Вдруг у меня появилась мысль, хоть я и не была уверена, стоит ли просить об этом. Голос моей матери всегда был сладок, как горный мед. В нашей деревне она славилась своими сказками о седовласом Зале, воспитанном птицей, о Джемшиде, который изобрел ткацкое искусство, и о веселом мулле Насреддине, всегда заставлявшем нас задумываться о многом.

— Что, если... что, если в этот раз историю расскажу я?

С минуту матушка разглядывала меня, будто увидела по-новому, а потом улеглась на старые подушки, разложенные вдоль стены.

— Да, ты ведь уже не маленькая, — ответила она. — За последние месяцы ты словно повзрослела на многие годы. Возможно, ты не изменилась бы так сильно, не сделай то, чему суждено было случиться.

Хоть я и продрогла до костей, мое лицо вспыхнуло. Да, я больше не ребенок, которым была когда-то... Еще недавно я и представить себе не могла, что способна солгать и, хуже того, не сказать всей правды, что способна предать тех, кого любила, убежать от человека, который заботился обо мне, хотя и не слишком; что смогу пойти против своих родных и едва не убить того, кто любил меня больше всех на свете.

Матушка глядела на меня с нежностью и ожиданием.

— Продолжай. Расскажи мне, — сказала она.

Я сделала большой глоток крепкого чая, села прямо и заговорила.